

Нибас снова сжал голову, щурясь из-за возвращения нежеланных мыслей, наполнивших его зрение пламенем, сжигающим череп изнутри. Непонимание попыталось овладеть им вновь. Он чувствовал это. Могущественное и чарующее. Древнее и ждущее.

Но на его стороне была злоба. Он не позволит себя сломить. Он всё ещё помнит. У него всё ещё есть его стены. У него всё ещё есть он сам.

— Моргунов, — прозвучал тот знакомый двойной голос слева от него. — Не забывай. Используй меня как свой якорь. Звук моего голоса. Держись за него. Не забывай.

Он тоже начинал его бесить:

— Хватит напоминать. Я сам прекрасно помню.

— Нет, не помнишь. Сейчас ты должен верить мне.

— С чего вдруг? Ты даже не реальный! Просто иллюзия, как и все остальные!

— Да, но не твоя. Я своя собственная иллюзия. И я пришёл помочь тебе. Помнишь? У тебя всё было плохо, когда я вытащил тебя.

— Мне было весело!

— Тебя убивали.

— И делали это весело!

Голос вздохнул. Нибас всё ещё не мог найти ему подходящее место в своей голове. Такой знакомый. Угх.

— Как там тебя зовут?

— Говис. Вспомни.

— А! Говис! Ты пришёл помочь мне?! Неудивительно, что я посчитал тебя иллюзией, настоящий Говис никогда бы так не поступил!

— Из всех людей, от тебя я меньше всего ожидал бы услышать слово «никогда».

— Ого! Твоя правда, да!

— Сейчас обстоятельства слишком сложны. Просто продолжай слушать мой голос. Поверь, что сейчас я твой союзник. Ты справишься.

Нибас дёрнул головой. Да. Что странно, он знал, что этот голос говорил правду. У них этот разговор уже не в первый раз, да?

Вот же чёрт.

А где он вообще, кстати? В большой пещере. Но где эта пещера? И почему?

О, точно. Не просто пещера. Это была его пещера. Часть лабиринта, что он прорыл десятилетия назад. Нет. Столетия? Да, столетия.

Хе-хе-хе. Ну наконец-то она ему пригодилась. Клёво.

Так. А зачем он здесь?

Ага. Он вспомнил.

Ох блин, сколько всего он вспомнил!

В сердце этой системы пещер стояла древняя мастерская, когда-то принадлежавшая одному из величайших объединителей истории.

Кагуретти Мудрому.

Вообще, оглядываясь на всех гениев истории, вершину занимали всего двое: Кагуретти и Скапа.

Нибас мечтал однажды подняться на тот же уровень. Встать плечом к плечу с этими гигантами.

Подумать только, что ему повезло наткнуться на мастерскую одного из них. Конечно, она была не в лучшем состоянии, но даже так. В том месте, где когда-то – вероятно – находилась кузня слияния, теперь располагался массивный кратер. Он хотел однажды поставить туда новую – отчасти для того, чтобы почтить память Кагуретти, а отчасти потому, что надеялся найти нечто особенное в этом месте. Такой человек не мог выбрать пристанище для своей кузни наобум. Наверняка тут было что-то особенное.

Хм-м.

Так почему же он её не сделал? Нибас задумался. Странный человек-дракон опять что-то говорил, но слова пролетали мимо ушей.

На то определённо была причина. Он бы не бросил такое важное место без веской причины, конечно же.

Хотя, может, и бросил бы. Бывал он временами таким ветреным человеком. Легко отвлекался на новые и вдохновляющие проекты. Что очень печально, стоило признать. И очень походило на него.

Нет, но именно здесь причина точно была...

Дрожь земли вернула его в чувства, он ощутил атаку, приближающуюся сквозь потолок.

Тц! Отвлекают его в час размышлений!

Потолок пещеры разорвала волчья пасть, покрытая чем-то чёрным и массивная как у кита. Готовая сожрать его целиком.

Моргунов прыгнул навстречу и врезал с правой зверю прямо в пасть.

Клыки зверя едва успели зацепить его плечо, прежде чем волк был отброшен в дальнюю стену.

Моргунов с шумом приземлился на обе ноги, покрыв пол под собой трещинами и напрягая правую руку, чувствуя силу и мощь, протекающую через неё. Перчатка на ней была третьим поколением Демонической Хватки, и она увеличивала не только мышечную силу руки, но и вес всего тела, начиная с кулака.

На полной мощности – использованной им только что – волк должен был лопнуть как шарик, но он уже чувствовал, как грёбаная псина поднимается на лапы.

Его брови опустились.

Ему ужасно хотелось задержаться и показать зверю, что к чему, но сейчас требовалась выдержка. Битва, случившаяся ещё в его мастерской, отлично продемонстрировала, почему делать так не стоит.

Она, мягко говоря, прошла не в его пользу. Вообще, чем дальше всё шло, тем хуже и хуже становилось.

Сначала самозванная сестра Расаласэда испортила ему все впечатления о татуировках, потом

появилась эта грёбаная собака, не отстававшая ни на шаг, а затем ещё и Гермал – долбаный мутант, снимающий шкуру с мозгов.

А в качестве вишенки?

Сам, мать его, Дэмиан Лофар. Насчёт последнего Моргунов был даже рад.

Поначалу.

Он надеялся, что Дэмиан каким-то образом выжил и где-то скрывался все эти годы, но пацан, очевидно, не держал таких же тёплых мыслей на счёт своего любимого учителя. Первое же, что сделал старый мальчуган – освободил Парсона Майлса. Вместе с остальными захваченными Авангардцами.

И вот тогда всё реально пошло не как надо. Ледяное Сердце вместе со всеми этими маленькими злыми генералами присоединился к бою, и даже несмотря на их жалкое состояние, с такой толпой разбираться было трудно.

Разве трудно?

Нет, ну это совсем не то слово. Ему ж было весело. Первый за столько лет случай, реально поставивший его жизнь под угрозу.

Нибасу это чертовски понравилось.

Угх.

Моргунов встряхнул головой на бегу. Мысли были в беспорядке. Сейчас требовалось сосредоточиться. Поддерживать связь с Робертами. Их стало гораздо меньше, но они всё ещё были одной из главных карт в его рукаве. Скольких он там мог ощутить? Двадцать три? Двадцать четыре.

Жесткач. Авось, где-то за пределами связи выжило больше.

Теперь стоило обращаться с ними осторожно. Авангардцы научились тому, что их лучше избегать, а не принимать в бою, что раздражало, хотя главной угрозой бедным Робертам был этот сучий сын – волчара, разрывающий их закалённые жопы так, будто он их из мяса делал.

В этом отношении ему ещё повезло, что волк был так помешан на охоте за ним. По крайней мере, не приходилось отвлекать зверя и можно было сосредоточить Робертов на уничтожении целей помягче – как завещали лучшие стратегии партизанской войны.

Осторожно. Нужно было действовать осторожно. Один Роберт Пятый мог бы сейчас очень неплохо помочь, но слишком опасно рисковать оставшимися.

По крайней мере, пока.

Нужно было дожидаться удачного момента. Информация, которую передавали Роберты, возможно, была даже ценнее, чем их помощь в бою. Сейчас приходилось беспокоиться о слишком большом числе оппонентов. Слежение за передвижениями каждого из них – именно то, что надо.

Пока что он мог просто продолжать бежать через лабиринт. Хотя могли возникнуть проблемы, если он вдруг забудет путь к мастерской Кагуретти.

Ага. Тогда лучше не рисковать. Расслоить информацию. Создать дополнительную шкурку для того, кто так любит её сдирать.

Он почувствовал ещё один удар молнии. Электрический импульс сквозь череп.

Отвлечение внимания. Не более того. Легко игнорировать. Боль – не проблема. Проблема – это то, от чего она отвлекала. Незаметные атаки. Сделанные так, чтобы улизнуть от его внимания. Скрыться за болью.

Да. Вот ты где, Гермал. Бесшумный как тень, перебирающий воспоминания, что тебе не принадлежат.

ПРОЧЬ!

Пещера содрогнулась от мощи телепатического удара Моргунова. Камни и пыль взметнулись к потолку, угрожая его обвалить, но он просто продолжил толкать. Впервые ему удалось хотя бы заметить Лжеца. Он не мог упустить такую возможность.

Дрожь превратилась в настоящее землетрясение, а затем обвал перестал быть просто угрозой. Валуны размером с грузовик начали падать всюду вокруг него – и прямо на него.

Их он тоже игнорировал. Плевать, если его завалит. Выкопать себя нетрудно.

Всё, что сейчас имело значение – это Гермал. Моргунов схватился за нить. Телепатическую соломинку, ведущую к склизкой сопле. Ещё пару секунд.

А, но ведь именно этого момента так ждал защитник...

Да. Волчьи челюсти разорвали валун с силой гигантского отбойного молотка, Моргунову пришлось остановиться, чтобы поймать их обеими руками – снова используя силу перчаток. К счастью, они были на обеих его руках.

И даже так ему едва хватило силы, чтобы не позволить чёрной пасти сомкнуться на себе. Моргунов боролся. И знал, что времени на это нет. Ничья – всё равно, что поражение, пока к ним приближаются остальные.

Говис схватил псину за шкурку и снял волчару с Моргунова. Кох вырывался как мог, щёлкал челюстями, пытаясь дотянуться до драконьего лица, пока Монстр не швырнул животное в тёмные, далёкие просторы пещеры.

Но Моргунов не был благодарен:

— Мне твоя помощь не требовалась.

— Требовалась.

Было ясно, как в солнечный день, что происходила какая-то игра. Говис не имел никаких причин помогать ему. А значит, и не стал бы. И Моргунов очень сильно хотел его на этом поймать. Сказать ему, чтобы прекратил притворяться и раскрыл свои настоящие намерения.

Но не было времени бросаться догадками. И хотя ему действительно не хотелось принимать помощь Говиса, ещё меньше ему хотелось того, чтобы Монстр Востока присоединился к нападающим.

К несчастью, Моргунов чувствовал, что рано или поздно это всё равно произойдёт.

А пока продолжал бежать. В мастерскую. Нужно было добраться туда. Там находилось нечто, что обязательно поможет. Он пока не мог вспомнить, что, но наверняка помнил раньше, когда решил бежать сюда. Оставалось только довериться суждениям прошлого себя.

Это ничего.

Авангардцы снова приближались. Роберты передали ему это.

Значит, пора перехватывать. Пары Робертов Третьих должно было хватить, решил он. Использовать слишком много не хотелось. Иначе могла упасть их коллективная наблюдательная мощь, в которой он чрезвычайно нуждался.

Третьи Роберты идеально подходили для этой задачи по двум причинам. Во-первых, они представляли лучшее сочетание прочности и мобильности. Не такие слабые, чтобы кто-нибудь

из аванчиков-генеральчиков мог их сбить, но в то же время и не настолько медленные, чтобы от них получилось убежать. А вторая причина заключалась в особенном изобретении в их арсенале, к которому Первые и Вторые Роберты доступа не имели.

Изобретение, которое он назвал Матадором.

Ну, ладно, Джеркаш его так назвал, но название понравилось ему достаточно, чтобы использовать его и дальше.

Матадор, вкратце, был инструментом, завязанным на отвлечении внимания, использующим звуковые и визуальные проекции, чтобы озадачить и остановить оппонентов со спины, выстрелив в них усиленными душой сетями.

Впрочем, с более сильными целями сети помогали не так хорошо. Поэтому, к несчастью, Робертам Третьим придётся использовать краткий момент уязвимости, чтобы их убить.

Пустая трата идеальных целей для будущих экспериментов. Но они сами загнали его в угол. Вот, что происходит, когда отказываешься от милости Безумного Демона.

Когда аванчики заметили Робертов, их ряды мгновенно рассредоточились. Хе-хе-хе. Маленькие роботы нанесли крошечную психическую травму? Забавно, учитывая, насколько стары и могущественны должны быть эти генералы.

Одна, две, три пойманные свинки. Проще пареной репы. Проекции работали чудесно. О, Ледяное Сердце немедленно решил попытаться освободить товарищей. Как удивительно теплосердечно с его стороны, учитывая репутацию. Видать, важные ребята.

Как жаль, что холодный пацан был не в лучшем состоянии. Моргунов не щадя насажал в него маленьких саботажников, прямо как с Джексон. Не хотелось бы, чтобы Ледяное Сердце почувствовал, что ему уделили недостаточно внимания – ну, если он переживёт всё это.

Как ни удивительно, впрочем, ему самому всё-таки удалось избежать поимки. Хм-м. Проекция не обманули его? Интересно. Как это так? Должно быть, парнишка научился видеть ауры, пока Моргунов не смотрел? Наконец-то начал видеть хоть чуточку больше их мира? Начал раскрывать свой закрытый разум?

Та не. Вряд ли.

Упс. Псина вернулась. Неслась на него своим громадным телом как торпеда. А, но Говис снова оказался рядом и сохранил Моргунову немного пространства для манёвров.

Впрочем, он всё равно ему не верил, поэтому, вместо того, чтобы помочь Монстру, продолжил бежать и думать о том, зачем Говису притворяться, что он сражается против своих друзей-

мутантов.

Главная причина того, почему Моргунов не смог разобраться с этой непонятной проблемой по имени Гермал ещё годы назад, заключалась в том, что Лжеца защищал не только Кох, но и Говис. Так неужели Лжец лишился любви своего папочки?

Возможно. Но Моргунов видел, что Монстр сдерживается. Если бы Лжец действительно его разозлил, то их бой сейчас выглядел бы совсем иначе. Как минимум, здесь была бы не просто проекция. Здесь был бы настоящий Монстр.

Так в чём же тогда цель?

Ну.

Очевидно, в том, чтобы обмануть Безумного Демона.

Но это не сработает.

Моргунов чувствовал. Моргунов видел.

Накал битвы раскалился докрасна. Начали появляться такие знакомые карманы парящего света. Дымка освобождённой энергии.

Какими же любопытными они были. Он уже не раз их видел, в основном в стычках с другими императорами.

И знал теории, конечно. Будто светлячки – это фрагменты силы душ, проявляющиеся, когда император сражается в полную силу. Примерно как капельки пота, проступающие на коже. Или искры, разлетающиеся, когда закаляешь металл. На последнее они действительно были похожи.

Но он никогда не верил в эти объяснения, потому что этот феномен проявлялся исключительно при столкновении двух и более чрезвычайно могущественных слуг. Если бы дело было только в напряжении, то достаточно сильный слуга мог бы заставлять эти огоньки появляться и в одиночку, а Моргунов такого никогда не видел.

Поэтому он не верил, что это следы силы душ. Невозможно отколоть кусочки силы. Напротив, он начинал думать, что это нечто совершенно обратное.

Абсолютно новые виды энергии. Создаваемые в момент соприкосновения двух могущественных душ.

Появляющиеся из их столкновения.

Эта теория порождала в его голове всевозможные идеи на протяжении многих лет, но, к несчастью, не существовало способа изучить огоньки. Проблема, конечно же, заключалась в том, что они мгновенно исчезали, стоило только вражде затихнуть. Поэтому изучить их можно было лишь в битве. Более того, в самом пылу битвы, в момент наибольшей опасности.

Но, может быть, сейчас у него наконец-то получится? Пока Говис его прикрывает.

Господи. Иногда с искушением просто невозможно бороться.

Но нельзя сдаваться. Нужно было помнить про опасность. И двигаться вперёд. Держаться цели. Мастерская. Вот всё, что сейчас имело значение.

Даже если он уже никогда не получит возможности лучше этой...

Нет! Глупые мысли!

И, к тому же, неправдивые. Потому что он вспомнил. Был ещё один вид ситуаций, когда происходил этот феномен.

Скверносмерти. Они тоже могли создавать огоньки. Гораздо реже, чем слуги-императоры в бою, но Моргунов определённо встречал пару, когда изучал этих невыносимых сволочей.

Хотя не все скверносмерти были способны на такое. В этом и заключалась проблема. В их непредсказуемости. В столкновениях императоров феномен происходил гораздо более предсказуемо.

Но, может быть, существовало ещё какое-то, до сих пор неизвестное условие окружения, которое необходимо было выполнить в случае скверносмертей.

А, стоять.

Скверносмерти! Конечно. Теперь он помнил. Да и как вообще мог забыть?

Вот зачем он направился в мастерскую Кагуретти.

Её сторожила скверносмерть. И именно поэтому он так и не поставил там новую кузню слияния. Потому что эта, даже в сравнении с остальным своим видом, была последней тварью.

Его продолжительное изучение скверносмертей было даже близко не таким плодородным, как

он надеялся, но кое-что ему удалось узнать наверняка: эти твари рождаются далеко не равными по силе. Очень далеко. Он даже начал работать над классификацией для них.

Что было чертовски трудно. Скоты никогда не помогали в изучении своей силы. Вероятно, узнать их истинные способности, не рискуя помереть, было просто невозможно.

Хоть его и звали Безумным, даже Моргунов не заходил за черту настолько далеко.

Впрочем, это было не единственной проблемой. Схема того, как называть ранги, долгое время ковыряла его мозги. С одной стороны, он не хотел ничего скучного – например, называть их в честь ураганов. Но, с другой, любая система должна быть интуитивно-понятной. Поэтому называть категории Огуречный Сэндвич или Козявочный Пузырь, к несчастью, было нельзя.

В итоге он решил, что животные – это лучшее, что есть. Они могли быть не такими скучными и при этом достаточно интуитивными, если правильно подобрать.

Так что сейчас существовало пять категорий – хоть он и надеялся однажды выделить шесть или семь. Хотя это больше зависело от того, удастся ли ему когда-либо найти больше отличающих их характеристик, отвечающих различным уровням силы.

От самых безобидных к самым опасным он назвал их мышью, зайцем, лебедем, бегемотом, и молью.

Последнее, стоило признать, несколько нарушало правило. Но ему пришлось. Может, моли и считались безобидными, но было в них что-то такое, из-за чего он им не доверял. Кроме того, последняя категория пока находилась в работе. До сих пор он встречал лишь одну моль и не успел так много узнать, пока убегал. Да и не важно. У него всегда будет возможность переименовать категорию, если получится придумать название получше.

Что же до скверносмерти, засевшей в мастерской Кагуретти, Моргунов категоризировал её бегемотом. Огромная опасность. Определённо одна из самых опасных среди тех, с которыми он когда-либо пытался сражаться.

Она даже успела прославиться достаточно, чтобы получить собственное имя: Калмак – звали это существо на Ардоре.

И оно вполне могло быть причиной смерти Кагуретти.

Моргунов всё ещё не знал этого наверняка и вряд ли когда-либо узнает, но звучало как вполне правдоподобное объяснение внезапного исчезновения прославленного изобретателя на пике силы и влияния. Учитывая, что ни один человек не пытался прославиться на его смерти, оставалось только две вероятности: либо Кагуретти решил скрыться, либо умер без свидетелей.

Как человек, восхищавшийся его работами с юности, Моргунов очень, очень много лет надеялся, что Кагуретти всё ещё жив. Чёрт, отчасти он до сих пор надеялся на это.

Но мастерская была тем ещё грёбаным доказательством. И, по всем историческим сведениям, он был социальной бабочкой. Так что едва ли у него нашлись бы причины фальсифицировать свою смерть и спрятаться от людей.

Из-за чего Моргунов однажды и решил сразиться с Калмаком – и не раз. В попытках отомстить за своего павшего героя. Или, может, найти свидетельства того, что Кагуретти ещё жив. Если они и существовали, то Калмак мог сторожить их.

Но увы.

Оба раза Моргунов проиграл подчистую. Калмак был просто охренительно силен. И даже попытавшись проскочить в мастерскую незаметно, он ничего не нашёл.

Что, впрочем, не говорило о том, что он полностью сдался. Однажды он всё же надеялся устроить Калмаку заслуженную трёпку.

Кстати говоря, сегодня ведь отличный день для этого. Он будет вовсе не против, если с ненавистным Калмаком смогут разобраться те, кто сейчас за ним гнался.

Так что да, он победит вне зависимости от того, как закончится бой.

Если только его самого не убьют, конечно. Блин, вот это будет досадно.

Как хорошо, что он всё-таки вспомнил заранее. Было бы чертовски неловко и крайне неприятно случайно врезаться в Калмака.

Что напомнило ему ещё кое о чём.

Он специально забыл. Чтобы обмануть Гермала. Моргунов был на девяносто процентов уверен в том, что эта сволота способна читать мысли, поэтому решил временно спрятать их в воображаемом хранилище.

Хе-хе-хе.

Ещё читаешь, Гермал? Слишком поздно бежать. Дядя Калмак уже рядом.

Сеть каменных туннелей впереди закончилась громадной пещерой. Дыры в далёком потолке пускали внутрь столбы света, разрезающие густую темноту.

Хотя до конца разогнать мрак им не удавалось – из-за скверносмерти.

Ещё во время своего исследования он узнал, что скверносмерти частенько получали элементарные силы – но не так, как их понимали в современном мире. Скорее уж, их тянуло к одному из пяти классических элементов – земле, воде, воздуху, огню, – а в случае Калмака, к тьме.

Как так происходило, он не знал. Это казалось ему чертовски странным. Впрочем, как и многое другое с этими штуками. Парадоксальные твари, которые и существовать-то не должны.

В любом случае, из-за этого сражаться с ним было особенно трудно. Потому что тьма – она не только физическая. Она затуманивала чувство душ и даже ощущение аур, скрывая скверносмерть под чем-то вроде занавеси.

Что делало свет особенно драгоценным ресурсом. Ключевым для выживания. Лучей с потолка было даже близко не достаточно.

Поэтому он решил сделать больше. С объединением это было плёвой задачей.

Моргунов резко прекратил бежать и хлопнул ладонью по плоской земле, создав десятки светящихся линий в камне всюду вокруг и осветив пещеру за секунды.

Грёбаная сопля сразу показалась впереди – сгусток прямо над входом в мастерскую.

Калмак Свёрнутой Ночи.

Это зрелище заставило всех, кто гнался за ним, резко остановиться.

Ха-ха. Испугались? Поздновато.

Калмак неспешно начал разворачиваться, как громадный змей, но в глазах Моргунова он довольно быстро принял форму эфирной машины с искажёнными часами в центре. Кровь сочилась из цифр и стекала по повисшим стрелкам, чёрный дым поднимался из каждой трещины огромного тела.

Теперь, впрочем, появилась другая довольно большая проблема с его планом – кое-что, с чем нужно было разобраться в первую очередь.

Одна из особенностей скверносмертей заключалась в том, насколько территориальными были эти существа. Но, обычно, они только делали вид, что пытаются убить тебя. Чтобы прогнать со своих владений. Стоило убежать достаточно далеко, и они успокаивались.

Но если кто-то решал не сбегать – или, хуже того, атаковать в ответ – как Моргунов поступал с Калмаком несколько раз – вот тогда они действительно начинали злиться.

С того момента побег уже не был вариантом. Если в чём-то скверносмерти и превосходили абсолютно всех других существ, так это в жажде убивать таких наглецов.

Переставало иметь значение то, как далеко ты от них убежишь. Они будут гнаться вечно. Пока чувствуют твою душу – а на планете не было места, где можно было бы эту душу от них скрыть, потому что в поиске душ они тоже превосходили всех. А это означало, что от них не скрыться.

К счастью, впрочем, ему удалось узнать один способ сбежать. И хотя он продолжал беспокоиться, что однажды это перестанет работать, именно с его помощью Моргунов заканчивал каждую битву с Калмаком.

Он притворялся мёртвым.

Но не только сам. Смерть Була тоже приходилось фальсифицировать. Что было значительно труднее.

Суть была в том, чтобы дать скверносмерти этот такой важный финал. Удовлетворительный удар. Получив его, скверносмерть успокаивалась и забывала о тебе.

Всё же они были существами, живущими на чистых инстинктах. По крайней мере, так ему казалось. Он пытался понять, происходило ли в их странных, эфирных мозгах нечто более сложное, но пока никаких признаков не нашёл.

Впрочем, проблема оставалась той же, потому что теперь, когда Моргунов вошёл на его территорию, Калмак должен был вспомнить их прошлые встречи. И атаковать в первую очередь – а может, и в единственную – если он что-нибудь не сделает.

Так каким же тогда было решение? Обманом заставить остальных атаковать его? Определённо должно было сработать, но он сомневался, что это будет так просто. Даже если его знания скверносмертей смотрели свысока на всё, известное им, вместе взятое, они явно знают самое главное правило: никогда не атаковать скверносмерть.

Нет. Трюк был в том, чтобы обмануть скверносмерть. Гораздо более простая задача, особенно, когда эта тварь уже и так одержима им.

Всё, что требовалось – это распределить немного своей души между другими. Если передать достаточно, то для скверносмерти они все станут им одним.

Легко. Особенно с теми, кого он и так заразил своими маленькими нано-друзьями. Этим невезунчикам точно канты. Он бы посочувствовал им, если бы это не было так смешно.

Первая атака скверносмерти не заставила себя ждать. И она была быстрой. Настолько, что если бы он не ожидал её всё это время, то мог бы и пропустить.

Чёрные лучи испаряющей силы. Лазеры, не излучающие света. Иными словами – совершенно невидимые для обычного зрения, не считая тех отверстий, что они оставили своей тьмой в лучах света. Сквозь тьму Свёрнутой Ночи даже чувства душ и зрение ауры не могли помочь.

Повезло ещё, что они были очень далеки по скорости от настоящих лазеров. Иначе без способности к предсказанию уклониться от них было бы совершенно невозможно.

Луч, нацеленный на него, прошёл по камню как по маслу, расплавив в том дыру, в которую Моргунов мог бы поместиться целиком.

А ведь луч был не один. Несколько людей, преследовавших его, получили по такому же – но готов к этому был только он.

Двое – или, кажется, трое – были просто стёрты из существования. Но он был почти уверен, что им хватило мозгов не брать с собой жнецов. Конечно, генералы Авангарда не могли так сглупить? Даже если считали, что тут преимущество за ними, это было бы настоящей дуростью.

А если нет, то забавно. И заслуженно.

Чёрт, зато грёбаная собака продолжала гнаться за ним. Даже с Калмаком на пути, щенок думал только о нём. Хотя не то, чтобы он сомневался – не мог же Говис реально ранить одного из своих мутантов-друзей.

Настоящая проблема Коха заключалась в том, насколько прочным был этот здоровенный пушистик. Одним из любимых подходов Моргунова в ближнем бою было использование объединения напрямую с телами, чтобы соединять вместе конечности или органы. Либо превращать части тел в совершенно иную материю. Даже слуги с достаточно высокой пассивной защитой души не могли полностью проигнорировать подобные атаки – только не тогда, когда ему удавалось до них дотронуться. А уж в комбинации с сотнями лет опыта борьбы и Демонической Хваткой на обеих руках, Моргунов просто обожал здоровяков, решавших нападать в ближнем бою.

Но Кох выделялся. Он не только был охренительно прочным даже по стандартам старых слуг, так ещё и выработал какую-то дополнительную защиту против объединения. Моргунов не мог ничего с ним сделать.

Существовал какой-то дополнительный защитный фактор? Или это просто впечатляющая пассивная защита души? Вот уж вряд ли. Для этого она должна быть выше, чем у него самого. На уровне с защитой Сермана. Что маловероятно.

Как бы там ни было, игнорировать пса не выходило. Моргунов принял влетевшую в него шавку, откатившись назад, но не позволив сбить себя с ног, и поймал зверя за шею, наплевав на клыки, вонзившиеся в его плечо и немедленно пригрозившие оторвать левую руку.

Удар в глотку ослабил хватку пса, но он всё равно не отпустил вплоть до второго удара. И даже тогда псина просто перешла к попыткам его порвать.

Контроль этих смертоносных челюстей был первоочередным приоритетом. Если позволить схватить себя зубами, то Кох немедленно получит преимущество.

В борьбе они рухнули на пол. Это тоже было нехорошо. Размер Коха давал ему преимущество. Нужно было подняться, как только...

Моргунов увидел Калмака на потолке, уже спускающегося на них. Времени уклоняться не было.

Вот это точно нехорошо.

Скверносмерть врезалась в них, и удар разорвал пещеру пополам.

Чёрный дым ослепил его, наполнив зрение и даже разум. А ещё – давление. Сразу отовсюду. Прямо как на дне океана – где он бывал пару раз.

Ужасающе знакомые страх и паранойя налипли на его разум. Такие же старые, как сама история. Использующие самое смертоносное оружие. Его самого.

Этого было практически достаточно, чтобы потерять контроль над телом. Над болью, наполнившей его.

Ещё довольно давно он узнал об этой способности скверносмертей. О том, как они частенько находили способ переписать отключение боли жнецов, либо заменив физическую боль на телепатическую, либо, что было гораздо ужаснее, просто отключив подавление. Как если бы они подменяли собой жнеца.

К счастью, Моргунов не впервые сталкивался с таким в бою против Калмака. Он знал, чего ожидать. Понимал, что нужно крепиться не только телом, но и духом.

Это нисколько не уменьшало боль, но позволяло вернуть контроль над собой быстрее. Как отскочить от удара, вместо того, чтобы позволять бить себя снова и снова.

Он активировал обе Демонические Хватки одновременно, чтобы увеличить свой вес. В два раза, в три, в четыре. Десять, пятьдесят, сто. Требовалась вся инерция, какая есть, ведь сила росла

вместе с ней.

Этого было недостаточно. Он всё ещё не мог выбраться. Калмак держал просто с нелепой силой. Угх, он что, стал ещё сильнее?

Пятьсот раз.

Тысяча.

Руки дёрнулись, после чего наконец вырвались и схватили шмат темноты, как если бы тот был камнем.

Это нисколько не помогло против боли. Разум отключился на секунду, пока он использовал древнейшую из техник, позволяющую справиться с бескрайней, невыносимой болью, а именно – потерять сознание и дать телу бесцельно искать выход из тьмы. Он двигался, но ему самому потребовалось время, чтобы это понять.

А потом он вдруг оказался в воздухе, всё ещё не осознавая причину. Пропустил удар? Вероятно.

Тело врезалось в потолок и пробило тот насквозь, взлетев в свете дня. Довольно приятное зрелище, на самом-то деле. Здесь Калмак будет гораздо менее опасным. Ну, если...

Небо потемнело, когда солнце стало чёрным.

Чёрт.

Ещё один теневой луч выстрелил в него и, барахтаясь в воздухе, Моргунов не успел уклониться. Удар был как от поезда, его отбросило ещё выше.

Вот теперь начались потери. Одежду порвало в клочья. Левая рука? Половина лица? Ни того, ни другого не осталось. Нехорошо. Значит, он потерял одну из перчаток.

Не было времени сожалеть. Новый луч уже приближался. Тварина собиралась жонглировать им до полного испепеления.

По правде говоря, у Моргунова ещё были варианты. Может, со стороны так не казалось – может, он сам не хотел их признавать, но в этом заключалась правда. Пан-розум, в котором они с Булом сейчас находились, давал немало возможностей.

Он просто ненавидел использовать их. По двум причинам. Во-первых, это давало больше власти

Булу. Когда они соединялись в последние дни, сознание Моргунова доминировало над сознанием жнеца настолько, что он больше не чувствовал никаких изменений в сравнении с обычным собой. Поэтому мог наслаждаться приятными пассивными бонусами, не разбираясь с ещё одним мешающимся голосом в своей голове.

Но чем больше возможностей пан-розум он использовал – вроде материализации – тем больше приходилось работать жнецу. А значит, Моргунов был вынужден отдавать часть контроля.

Не очень приятно.

А ещё он ненавидел эти возможности за их... нечестность. Это же отстой. Они не имели никакого отношения к его гению и усердному труду.

В бою он всегда любил побеждать своими открытиями, мастерством объединения, или просто боевыми искусствами.

Но это в нём болтал ворчливый старик. Тоже вышедший из-под контроля за последний век или два.

Тут и сейчас ему снова напоминали о его ограничениях. О том, что когда всё доходило до реальной жопы, то он был готов на любую грязь. И будь проклято это.

На кратчайшее мгновение перед ним возникло лицо Рахмана. Это улыбающееся, самодовольное лицо, за миг до финального удара Моргунова.

Оно никогда его не оставит, да?

Моргунов разделил своё тело пополам, чтобы избежать нового луча в последнюю долю секунды.

Самая трудная техника. Она требовала одновременно использования объединения, преобразования, и материализации.

Преобразователи в пан-розум могли просто превратить тело в свой элемент и свободно управлять им, добавляя объёма материализацией. Но тот же трюк для объединителей требовал дополнительных шагов с самого начала.

Объединить тело с газообразными элементами вокруг. Затем ему открывалось преобразование как продолжение объединения – способности, что всегда будет самой комфортной, инстинктивной силой для него.

Затем превратить тело в воздух, разделить его пополам, соединить снова материализацией, и

наконец, интегрировать всё объединением, чтобы сделать себя целым снова.

Сложный приёмчик, да. Но эту технику он вызубрил до совершенства ещё много, много лет назад, в те далёкие времена, когда почти всем ещё заправлял Бул, заставлявший его изучать то и это. Он довёл технику до инстинкта в своём разуме, сделал её доступной в тот же миг, как она могла потребоваться.

И всё же, в нынешние дни, когда ему и вправду приходилось её применять, то это реально, реально бесило.

Напоминание о неудачах. О потере контроля. О решительности и цели.

В этом мире было не так много вещей, которые он ненавидел больше.

Калмак и вправду знал, как действовать ему на нервы.

К счастью, его план сработал. Несмотря на то, как интенсивно скверносмерть пыталась достать его, остальные бойцы тоже получали достаточно внимания. В хаосе внизу он чувствовал, что часть чёрных лучей наводила порядок и среди Авангарда тоже.

Вот только куда делся щенок-переросток? Моргунов не сомневался, что псина наляжет на него в любой момент.

Ага. Он почувствовал его. Ещё довольно далеко, на земле. Наконец-то у него было время подумать. Пришлось уклониться от второго луча, но в газовой форме это не составило труда.

Значит, время подготовить Робертов. Им нужно было собраться и пересобраться. Он отдал мысленный приказ.

Ничто меньше трёх Робертов Пятых тут ему не поможет. В таком случае, почти не останется Третьих, чтобы заниматься Аванчиками, но это необходимый риск. К тому же, ими и так занимался Калмак, поэтому шанса лучше этого не будет.

Тем временем, он использовал невидимость, доступную благодаря одному из его предметов из костей отклонений. Не кольцо, как у большинства из его парней, нет, себе он сделал зуб. Вернее, коронку на одном из зубов.

Гораздо более скрытное место.

Хотя на Коха этот трюк не работал. Он уже пытался, и шавка легко нашла его, вероятно, при помощи запаха и ауры.

А вот Калмак – совсем другая история. Моргунов был практически уверен, что скверносмерти ощущали мир посредством рвения и силы душ. Если аура и была им доступна, то гораздо слабее.

С таким количеством его силы души в остальных местах, невидимость была безупречна в этот момент. Он бы использовал её раньше, но хотел убедиться, что Калмак сначала хорошенько разозлится. Не говоря о том, что Кох всё равно бы разорвал вуаль, сделав её бесполезной.

Впрочем, была и ещё одна проблема.

Чёрное солнце. Почерневшая атмосфера.

Это был не косметический эффект сил Калмака, а символ сразу двух вещей: скверносмерть усиливала все свои атаки и одновременно с этим подготавливала одну из самых могущественных способностей своего арсенала. Уничтоженный ею дважды, Моргунов начал называть её «Зачисткой Владения».

Либо «Тьмадерной Бомбой». Одно из двух – и он пока не знал, какое подходило лучше, но первое ему больше нравилось по звучанию.

Как бы там ни было, это игнорировать нельзя. Если позволить ему, то он, вероятно, убьёт одновременно всех участников битвы, а потому как Моргунов был единственным, кто знал об уровне смертоносности этой атаки, то ожидать, что его остановит кто-то другой, было нельзя. А даже если бы он положился на них, то в случае их неудачи они с Булом окажутся так же мертвы, как и все остальные.

По правде говоря, ему отчасти хотелось позволить Калмаку завершить атаку. Это же будет охренительно смешно, если после всей напряжённой битвы скверносмерть просто завалит всех одним махом. Из всех способов умереть, это – определённо достойный смешка-другого.

Если бы не куча незавершённых дел, он бы мог так и поступить. Увы.

Используя невидимость, он полетел за спину скверносмерти. Вероятно, разницы не было, наверняка Калмак видел все стороны разом, но предосторожность не бывает лишней.

Собрав всю силу в оставшейся перчатке, он врезался в громадное исчадие на лету, не сдерживая ни крупицы силы – потому что эта тварь умела держать удар.

Калмака разбрызгало вязким спреем чернил. Солнце моргнуло и засияло вновь – как и всё остальное небо, хотя последнее гораздо медленнее, будто снимая с себя вуаль.

Вот так-то лучше. Солнце всё ещё оставалось неестественно тёмным, но ничего. Главное, что не чёрным.

Теперь Роберты. Они должны были...

Он развернулся в воздухе точно вовремя, чтобы поймать Коха ещё одним хуком. Псина опять улетела, оставив в земле очередной приятный кратер.

Хмф. Скрытная тварина. Почти застал его врасплох. Если бы он не ожидал...

Две руки взяли его голову со спины.

~~«Здравствуй, Де-е-емон»~~

Эти слова не были похожи ни на что из того, что он когда-либо слышал или чувствовал. Низкие и искажённые, они протянулись через разум, утянув его за собой, вмешавшись в каждую мысль, что только пыталась появиться.

Атака корня мышления.

Даже просто осознать опасность было трудно. Никогда прежде он не испытывал такого, но когда-то давно читал.

Одна из сильнейших когда-либо изобретённых телепатических техник – так ещё и изобрели её самые могущественные из существовавших телепатов, древние королевские врубели.

Она парализовала добычу, предотвращая формирование любых мыслей, и использовалась для особенно защищённых разумов, которые не удавалось сломать грубой силой. Когда она применялась, сбежать от неё уже было нельзя – если только сам телепат не пожелает отпустить добычу.

Таким образом Моргунов оказался в тюрьме собственного разума.

И всё же, когда он читал заявления древних о том, насколько велика должна быть атака корня мышления, то сильно сомневался, особенно в последней части.

Что ж, вот и возможность подвергнуть её испытаниям.

.

Редактор: akkunin